

— Кто такой Фэй Цзе?

— А в Палате есть ещё кто-то по фамилии Фэй?

— Господин Фань, вы говорите о старике Фэе?

— Именно об этом старом чудовище я и говорю. — Фань Сянь уже закончил, приказал принести ему таз тёплой воды, тщательно вымыл руки, развернул кусок ткани, вытер руки насухо и только тогда сказал Янь Бинъюню: — Ты долго подвергался пыткам, твой сердечный меридиан повреждён, и уровень боевых искусств сильно пострадал.

Договорив, он внимательно взгляделся в лицо собеседника: оно оставалось спокойным, словно тот ничего не услышал. Фань Сянь невольно восхитился, в душе утвердившись в мысли, что нужно обязательно держать под присмотром этого внешне равнодушного, на деле же чрезмерно гордого молодого человека.

— Как вернёмся домой, ты как следует подлечишься, не то чтобы всё нельзя было исправить. Вырванные ногти снова отрастут, криво сросшиеся кости я попрошу этого плешивца из седьмого отдела снова сломать, а потом залечу их, так что ты точно не станешь старым калекой, как Чэнь Пинпин.

Фань Сянь шутил, но Янь Бинъюнь чувствовал себя странно: ни Контрольная палата, ни разосланные по Поднебесной шпионы — никто не посмел бы с глазу на глаз с собеседником назвать главу Чэня старым калекой!

Янь Бинъюнь медленно прищурился, словно пытаясь разглядеть подоплёку этого дела, например... отчего Фань Сянь так молод, но уже назначен преемником главы Контрольной палаты. Именно в этот момент в груди Янь Бинъюня зародилось жгучее, как огонь, ощущение, и, несмотря на его стойкую натуру, от этого внезапного приступа боли у него задрожало лицо.

— Ничего не поделаешь, это метод выведения яда. Поскольку неизвестно, что за яд тебе дали, то лекарство довольно сильнодействующее, но я рядом и присматриваю за тобой, так что ты не умрёшь. — Фань Сянь безразлично поправил на нём одежду. — Терпи.

На лбу Янь Бинъюня стали появляться крупные, с горошину, капли пота. Явно очень мучаясь, он сказал хрипло:

— Мать твою, это гораздо больнее, чем от яда. Что это за противоядие?

Фань Сянь в неожиданной радости хлопнул в ладоши и восхищённо произнёс:

— Брат Янь может ругаться по матери! И правда, кому нужен этот образ замёрзшей ледышки? Строить из себя крутого перед Стражей в парчовых одеждах — это правильно, а передо мной

не нужно так притворяться, мне с детства уже надоело на это смотреть.

С детства ему надоело смотреть, естественно, на своего безмерно крутого наставника, дядю У Чжу.

— У кого ты научился этому способу выведения яда? Я тебе не доверяю, — ледяным голосом произнёс Янь Бинъюнь, чувствуя, как части тела, покрытые мазью от ран, тоже начинает жечь.

— Я уже говорил. — Фань Сянь посмотрел на него с улыбкой.

Глаза Янь Бинъюня резко сверкнули. Он полностью позабыл о жгучей боли внутри и снаружи и прошипел:

— Так ты ученик Фэй Цзе? — Эти слова были пропитаны изумлением, и он продолжил: — Разве у Фэй Цзе может быть такой ученик, как ты?

— И ты ещё хвастался, что вся моя жизнь до двенадцати лет у тебя как на ладони. — Фань Сянь, начав прибирать бутылочки и горшочки у кровати, сказал с насмешкой: — А даже не знаешь, кто мой учитель.

Янь Бинъюнь смотрел на него и долго молчал. Фань Сянь с невинным видом обернулся к нему и, оперев подбородок на руку, стал разглядывать покрывающие его тело шрамы, а затем тихо спросил:

— Брат Янь, скажи, почему мне всё время кажется, что ты смотришь на меня очень сердито?

Эта мысль занозой сидела у Фань Сяня в голове: раз уж ему нужно привести Янь Бинъюня к покорности, обязательно следует узнать, отчего он к нему так враждебно настроен, иначе их дальнейшая жизнь будет весьма неприятной.

После долгого молчания Янь Бинъюнь по-прежнему вроде бы не хотел касаться этой темы, но непонятно почему, когда жжение внутри и снаружи постепенно улеглось, в голове у начальника разведки в Северной Ци отчего-то помутилось, и смотреть на милое лицо Фань Сяня стало почему-то невыносимо. При воспоминании о всех этих годах раздражающей жизни, проведённых с поднятой головой среди народа и двора Северной Ци, когда нужно было постоянно сдерживать свою речь, с его сухих губ словно сорвались оковы:

— Господин преемник, не знаю, помните вы или нет, но пять лет назад в Даньчжоу произошло убийство, которое осталось нераскрытым.

Рука Фань Сяня, как раз закрывающая сундук, не остановилась, однако сердце его дрогнуло. Он, разумеется, помнил это убийство: тогда это он, живущий свою вторую жизнь, впервые убил человека, и до сего дня сломанные кости, выпирающие из остывающей шеи наёмного убийцы,

словно всё ещё раздражали ладонь Фань Сяня.

— Я знаю, о чём ты, — сказал Фань Сянь, нахмурившись. — Какое это имеет отношение ко мне или к тебе?

Янь Бинъюнь странно улыбнулся.

— Тот наёмный убийца был сотрудником четвёртого отдела, и именно из-за этого случая меня отправили крысятничать в Северную Ци.

— Поэтому ты меня ненавидишь? — Фань Сянь надолго замолчал, а после вдруг внезапно радостно рассмеялся: — Я считаю, ты должен меня благодарить.

— Почему? — Туман в голове немного развеялся, и Янь Бинъюнь после лёгкого изумления вновь сразу вернул себе отстранённый вид.

Фань Сянь вытаращился на него и произнёс отдельно:

— Потому что я вижу, что ты прирождённый разведчик, тебе нравится такая жизнь. Я думаю, что скрываться эти четыре года в Северной Ци, день и ночь не знать покоя для тебя — самая волнующая, самая содержательная жизнь.

Янь Бинъюнь ответил:

— Если вам, господин Фань, это нравится, вы можете тоже попробовать.

Фань Сянь поулыбался, закинул ящик с лекарствами за спину, словно бродячий лекарь, и вышел из комнаты, закрыв за собой двери. Он отмахнулся от того, что с трудом выяснил об этом человеке, скрытое под ногтем дурманное снадобье стряхнул в угол сундука и мысленно сделал себе предупреждение, что использование тайных снадобий на своих людях больше повториться не должно. Янь Бинъюнь был действительно крут — почти сразу очнулся от действия хлороформа. Если бы он понял, что попался на ловкие приёмы собеседника, им было бы сложно потом прийти к согласию.

История, услышанная от Янь Бинъюня, несколько взволновала Фань Сяня, но в то же время, узнав настоящую причину его недовольства, Фань Сянь почувствовал себя значительно спокойнее.

Он никак не представлял, что их с Янь Бинъюнем связь начнётся таким вот странным образом: из-за неудачного покушения пятилетней давности того сошлют на север, где он впоследствии

станет главой шпионской сети Контрольной палаты, и пять лет спустя сам Фань Сянь придет забирать его на родину. Подумав об этом, Фань Сянь невольно улыбнулся: никогда нельзя сказать, в какой момент дела этого мира замкнутся сами на себе.

— Господин, прибыл лавочник Шэн и принёс вино, — доложил подчинённый.

Фань Сянь махнул рукой.

— Примите. Я не хочу видеться с ним.

Подчинённый поклонился и вышел. Фань Сянь нахмурил брови: только он преподавал урок молодому господину Цюю, как пришло письмо из Синьяна — старшая принцесса действительно давит на него. Стоило подумать об этом, как вошёл Ван Цинянь с письмом в руках и тихо сообщил:

— Письмо, которое принёс Шэн Хуайжэнь.

Фань Сянь распечатал конверт, внимательно прочитал страницу, и лицо его приобрело огорчённое выражение. Он пробормотал про себя:

— Что всё-таки творят все эти люди? — С приподнятыми бровями он ушёл в задние комнаты.

Янь Бинъюнь был крайне насторожен: когда Фань Сянь распахнул двери, его рука уже легла на рукоять меча.

— Расслабьтесь. — Фань Сянь посмотрел на него, по-прежнему сидящего с закрытыми глазами, и сказал: — Здесь никто и подумать не может о том, чтобы убить вас.

Янь Бинъюнь медленно разомкнул веки, посмотрел в лицо Фань Сяню и с непреклонным выражением, промелькнувшим в глазах, спросил:

— Что за лекарство ты мне дал? Почему у меня всё время кружится голова?

— Там есть успокоительные компоненты, — совершенно бесстрастно объяснил Фань Сянь. — Вашим жизненным силам нанесён слишком большой урон, и, если вы хотите как можно быстрее восстановиться, нужно спать как следует. Но я не думал, что ваше тело позволяет сопротивляться лекарству, польза от этого невелика, а жаль.

Это объяснение прикрыло недавнее происшествие с дурманным снадобьем: милое и чистое

лицо Фань Сянь было лучшей маской для коварных интриг.

Янь Бинъюнь понимал, что если Фань Сянь пришёл к нему, значит, хочет что-то спросить. Он опустил взгляд ему на руки и спросил, нахмурившись:

— Господин Фань, что случилось?

Фань Сянь помахал письмом и с улыбкой пояснил:

— Письмо от старшей принцессы.

Янь Бинъюнь удивился, что, однако, не отразилось на его лице, и равнодушно спросил:

— Какое это имеет отношение ко мне?

— Пока мы не вернулись домой, вы всё ещё командующий разведывательной сетью Контрольной палаты в Северной Ци, — с улыбкой сказал Фань Сянь. — Поэтому если правительство чего-то хочет, я, естественно, должен узнать ваше мнение.

— Прошу, рассказывайте, — невозмутимо произнёс Янь Бинъюнь.

Когда Фань Сянь пересказал содержание двух подряд писем из Синьяна, Янь Бинъюнь нахмурился, его брови встопорщились серебряными нитями. Вроде как в бессильном гневе он тихо спросил:

— Почему старшая принцесса интересуется этим?

Фань Сянь ответил:

— Я просто пришёл спросить вашего мнения — стоит ли Контрольной палате вмешиваться в это.

Янь Бинъюнь покачал головой.

— В Палате хотят избавиться от Сяо Эня, старшая принцесса же хочет, чтобы мы вместе с Шаншань Ху спасли его. Это две противоположные цели, как мы можем их сочетать?

Фань Сянь уселся, посмотрел в безэмоциональное лицо Янь Бинъюня и сказал:

— Пока не будем об этом. Я хочу узнать от вас, какова сейчас ситуация при дворе Северной Ци.

Янь Бинъюнь взглянул на него, вытянул три пальца и объяснил:

— Есть три стороны: первая — это вдовствующая императрица, вторая — император, ещё одна — это Шаншань Ху. Однако раз Шаншань Ху переведён обратно в столицу, то его силы понесли большие потери, ему придётся выбирать между вдовствующей императрицей и императором.

Это простые и грубые слова были тем не менее преисполненным уверенности суждением. Фань Сянь молча сделал ему знак продолжать, и тот снова заговорил:

— Как вы и сказали, если Сяо Энь — приёмный отец Шаншань Ху, а императорский наставник Ку Хэ хочет Сяо Эня убить, то, видимо, Шаншань Ху в конечном счёте непременно примкнёт к стороне императора.

— Почему?

— Потому что вдовствующая императрица всегда слушается Ку Хэ.

Фань Сянь непроизвольно подёргал бровями и неуверенно спросил:

— Вдовствующая императрица на самом деле очень молода. Но есть ли у Ку Хэ такие замыслы?

Янь Бинъюнь онемел и только спустя немалое время догадался, что этот внешне изящный, но по сути чрезвычайно вульгарный молодой чиновник неправильно понял его мысль, и, презрительно посмотрев на Фань Сяня, сказал:

— Всё не так, как тебе кажется.

<http://tl.rulate.ru/book/96718/3450902>